



"Я люблю странных", — сказал мне Андрей Болтнев, он же сыщик-романтик Иван Лапшин в фильме Алексея Германа, он же предатель и садист Кротов в многосерийной картине Семена Аграновича "Противостояние". Кому-то такие противоположности могут показаться странными. Но Болтнев любит играть странных людей. Может, потому, что и сам он человек и актер странный. Порою его странность граничит с фанатизмом, порою проявляется в несвойственном актерам холодном рационализме. Впрочем, и в том, и в другом случае по отношению к своей профессии он из тех, кого называют трудоголиком.

Андрей БОЛТНЕВ:

"Я иногда могу даже прикрикнуть на зрительный зал"

— Я поступил в Ярославское театральное училище, по субботам и воскресеньям ездил в Москву, чтобы попасть на спектакли одного и того же театра — имени Маяковского. По воле судьбы в 1985 году меня пригласили в этот театр работать. Первая роль — директор школы в спектакле "Завтра была война".

— Вас привлек образ гуманиста?

— Нет. Меня привлек образ бывшего кавалериста. Это тот же Лапшин, у них одна биография, одна история, они оба обречены на веру без надежды, только один стал начальником опергруппы, а другой директором школы.

— Провинциальный актер без особого опыта... Вам первое время трудно приходилось в столичном театре?

— Я человек не восторженный, и удары судьбы, как и ее подарки, принимаю философски. В театральных коллективах всегда очень сложные взаимоотношения, и, наблюдая их, я начинал думать, что маленький театр — это маленькое дерьмо, а большой — большое дерьмо. В Новосибирском театре, где я какое-то время работал, чувствовал себя придурком. А в Театре Маяковского с первого дня и до сих пор не видел ни одной кривой губы по поводу моего провинциального происхождения...

— Может быть, вас побивают? Поговаривают, что вы можете давить партнера на сцене.

— Есть такая старая актерская поговорка: "Мне не важен мой личный успех, а важен провал партнера". Шутка. Работа партнеров на сцене — это противостояние равных, это рыцарский поединок. Если у моего партнера злые глаза, я начинаю зажиматься. Вот вам и "давить"! Меня спасает то, что я классный танцор. Учился у моряков в Туапсе, был настоящим стилистом: бацал буги-вуги, твист, чарльстон, шейк, рок-н-ролл. Поэтому могу играть без партнеров, за счет пластики. Когда партнер мямлит, приходится тянуть одеяло на себя, тут выбора нет, актер должен всегда думать о зрителе. Моя профессия стоит на трех китах: чтоб было видно, слышно и все понятно. Актер должен быть для зрителя немного диктатором. Он должен держать на себе внимание, влиять на него, как хороший учитель на класс. Я иногда могу даже прикрикнуть на зрительный зал. В спектакле "Завтра была война" мне приходилось вести себя со зрителями предельно жестко. И это оправдывало себя: успех спектакля был необыкновенным.

— То есть вы хотите сказать, что текст роли надо произносить громко, внятно и с выражением?

— Разве дело только в тексте? Талант актера — в умении создать образ по человеческим законам. Я люблю роли, в которых текст не надо заучивать. Запоминаешь логику драматургии, а слова сами приходят точно

такие, какие написал автор. Такова, например, роль Свидригайлова в "Преступлении и наказании", которую я сейчас репетирую, — здесь мне нет необходимости заучивать реплики в их последовательности, они сами проистекают из действия. Роль не разучивается, роль разыгрывается. А у нас часто наоборот. Если слова выучишь и более-менее внятно донесешь до зрителя, считается, что роль получилась. У меня был партнер, который 10 лет не мог выучить роль.

— А есть партнеры, с которыми вам легко?

— Не легко — интересно. Мне повезло: в кино я работал с такими актрисами, как Нина Русланова, Татьяна Васильева. Помню, в Майкопе у нас был такой актер Боря Лазаренко, в прошлом шофер. Удивительный и непопный актер. Когда он участвовал в спектакле, я приходил и подглядывал за ним из-за кулис.

— Из известных вам актеров кто самый "странный"?

— У нас был Смоктуновский. За границу меня привлекают Дастин Хоффман, Стив Маккуин (тот, что сыграл Вина в "Великолепной семерке" — у него уникально загадочная улыбка). Но самый "странный" — Джек Николсон. "Что ты, милая, смотришь искоса" — это про Николсона, про его взгляд. Когда я однажды увидел этого актера в кино, хотел вообще распрощаться с актерской профессией. Невероятна система его существования в

роли. Его раскованность и свобода феноменальны, ему не надо ничего делать, достаточно вынести свою индивидуальность на площадку, и это уже зрелище. Я встречал таких людей в жизни, среди зеков и моряков — они прирожденные актеры высокой пробы. Так вот, когда я впервые увидел Николсона на экране, то хотел вообще бросить актерство. Мне такой степени свободы никогда не добиться. Свобода — это состояние души, оно воспитывается веками, с этим ничего не поделаешь. Не скрою, мне хотелось походить на Николсона, хотя бы внешне. В спектакле "Подземный переход" в роли Павлова я "косил" под него, носил шапочку такую же, как у него в фильме "Полет над гнездом кукушки". Не знаю, заметили ли зрители мои потуги, оценили ли их...

— Кино предоставляет больше возможности для выражения личностной индивидуальности актера, чем театр, не правда ли?

— Это так. В роли Лапшина мне не надо было ничего играть. Мои качества конкретного человека — Андрея Болтнева — вполне удовлет-

вовек богатый. Деньги текут ко мне отовсюду. Сейчас получил гонорар за работу в "Хороводе", на телевизионном участие в фильме-спектакле о Домбровском. Потом поехал в Новосибирск сниматься в короткометражных учебных фильмах по школьной программе. Мне говорят: лауреат Государственной премии (за "Лапшина"), а размениваешься по мелочам. А я не думаю, что учебные фильмы — мелочь. Особенно в наше время, когда исчезли такие журналы, как "Знание — сила", "Юный натуралист", "Техника молодежи". Короткометражки, где я снимался, чуть-чуть восполнят отсутствие этих журналов. Я знаю, что телевидение США на 70 процентов состоит из научно-технических познавательных программ, и американцы ничего нам из этих программ не дают и не продают. Я свои деньги зарабатываю не в "Бурде" и не в "Плейбое", а в киноизданиях, которые нужны будущей России.

— Ага, значит, вы патриот?

— Пушкин как-то сказал, что он ненавидит свой народ, но не позволит сказать что-нибудь плохое о русском народе иностранцу. Как любить свой народ, который несколько поколений отдал в жертву насильникам, убийцам и авантюристам? За 400 лет инквизиции было уничтожено 300 тысяч человек, и человечество проклинает инквизицию до сих пор. А у нас за несколько десятилетий замучены миллионы лучших людей... Я не сентиментален и в любви народу объясняться не буду, но и порочить его никому не позволю. Просто я горжусь, что я россиянин, и за границей стремлюсь всегда отстаивать достоинство россиянина. Там к нам относятся, как к дикарям. Во Франции меня с издевкой спросили: "Правда, что вы едите собак?" Я ответил: "По мне лучше есть собак, чем лягушек". К сожалению, наши жлобы ведут себя в Париже ужасно. В одном магазине я имел неосторожность сказать, что я русский турист. На меня стали смотреть, как на предмет неодушевленный. Тогда я побежал в гостиницу, взял деньги и купил очень дорогую и совсем не нужную мне вещь. И те же продавщицы чуть не на руках меня принялись носить.

— Ваша многогранная (и доходная) деятельность — игровое и учебное кино, телевидение, выступления — все это не за счет работы в театре?

— Нет. В театре я сыграл недавно две премьеры — в "Горбуне" Мрожека (постановка Гончарова) и в "Днях нашей жизни" по Леониду Андрееву. Репетировал в пьесе Стриндберга, но работа пока не завершена. Репетирую в "Преступлении и наказании". Нет, без театра мое существование стало бы бледным.

— Без театра, наполненного "странными" людьми?

— Да. Где же еще концентрируются "странный", ежели не в театре...

Гостя принимала
Анна ФУРТИЧЕВА.
Фото
Михаила ВОЛКОВА.

Сколько вы получаете в театре?
— 150 тысяч.
— Не густо.
— Не беспокойтесь, я че-